

УДК 811.161.1 : 81'35

И. Е. Ким

Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 82А, корпус № 24 (А), Красноярск, 660041, Россия

kimkim27601@gmail.com

ПИСЬМО И ПРАВОПИСАНИЕ, ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ: ГДЕ ПРОХОДИТ ГРАНИЦА МЕЖДУ СИСТЕМОЙ И НОРМОЙ

Рассматривается проблема соотношения языковой системы и нормы в русском письме. В настоящее время граница между системой графики и нормой орфографии проходит не между потенциалом буквосочетаний в русском письме и нормой как предписаниями языкового коллектива в выборе правильных буквосочетаний, а между отражением в букве изолированного звука или слога и написанием морфемы, прежде всего корневой. Это приводит к двум разным пониманиям термина *орфография*: с одной стороны, она понимается как норма правописания, а с другой – как практика написания буквосочетаний. Введение понятия «суперсегментная графика» для обозначения потенциальных буквосочетаний поможет устранить эту двусмысленность.

Ключевые слова: орфография, суперсегментная графика, синтагматика, система языка, языковая норма, письмо.

По отношению к письму обычные для лингвистики границы между дихотомическими сущностями располагаются иначе, чем в фонетической форме языка. В последней границы системы и нормы проходят в зоне узуса, речевого воспроизводства языковых единиц. Причем это различие касается произношения и отдельных фонем, и сочетаний фонем, и морфем, и слов, и синтагм.

В письме же граница графики (системно-лингвистического взгляда на письмо) и орфографии (нормативного аспекта письма) проходит между письменным обозначением слога (мягкость согласного передается последующим гласным: *раб* [рап] и *ряб* [р'ап]) [Иванова, 1976] и, в общем случае, написанием морфем: *вода* [вд'а], так как *воды* [в'оды]. Несмотря на то, что в данном случае, исходя из взглядов МФШ, речь в обоих случаях идет о фонеме, свойства ее реализуются в единицах разного объема, что отражено в позиции ЛФШ, выраженной в пособии В. Ф. Ивановой, которая говорит о «слоговом принципе русской графики» и о «морфологическом (морфемоцентрическом. – И. К.) принципе русской орфографии». При этом «слоговой принцип графики» касается только выражения мягкости

согласных, а остальные аспекты графики еще уже: они касаются начертаний отдельных букв.

Таким образом, различие системы и нормы в фонетике определяется общественными условиями существования языка, в то время как в графике оно базируется на разнице в объеме рассматриваемой языковой единицы. Это приводит к следующему парадоксу.

В фонетике у сочетаний фонем есть и системный, и нормативный аспекты. В то же время в графике системный аспект касается отдельных знаков, а для их сочетаний остается только нормативный аспект. Таким образом, сочетания букв (за исключением выражения мягкости парной по этому признаку согласной фонемы) мыслятся только по отношению к норме: нормативно / не нормативно; правильно / не правильно; правильно / допустимо / недопустимо. Иными словами, сочетаниям букв отказано в наличии «объективных закономерностей» и «системных отношений». Приводит это к очень странному и явно ненаучному словоупотреблению.

Довольно распространенный пример – выражения *Орфография и пунктуация источника сохранены; Текст дан в авторской*

Ким И. Е. Письмо и правописание, графика и орфография: где проходит граница между системой и нормой // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 9: Филология. С. 12–15.

ISSN 1818-7919. Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Том 13, выпуск 9: Филология
© И. Е. Ким, 2014

орфографии и подобные, ср., например: *Замдиректора «Агентства журналистских расследований» и частый автор петербургского издания «Фонтанка.ру» (входит в АЖУР) Евгений Вышенков 17 февраля написал, что хорошо знал Броновского. Вышенков охарактеризовал фигуранта дела следующим образом: «Сегодня в кинотеатрах Петербурга идет в прокате фильм Скорсезе “Волк с Wall Street”. По сути, Марк очень похож на главного героя, которого исполняет ДиКаприо. Только внешне Броновский другой – скромный и незаметный»* (сохранена орфография оригинала)¹. В данном случае речь идет о «буквоупотреблении» автора, причем обязательно в той или иной мере ненормативном, а не о норме, что вытекает из внутренней формы и значения термина. Сравните подобное выражение в отношении фонетики: **Мы воспроизводим орфоэпию этого человека.*

Еще одно парадоксальное понятие – *орфографическая практика*. Ср. типичное название статьи «Вариантность и орфографическая практика»² или «“Правила русской орфографии и пунктуации” (1956 г.) и орфографическая практика» [Букчина, 1974]. Если правила кодифицируют орфографию, то практика может ей соответствовать или не соответствовать. Таким образом, речь в этих и подобных статьях идет не об орфографической (формулирование правил), а о графической (написания словоформ) практике.

Кроме того, историки языка часто говорят о «древнерусской орфографии». Например, одна из монографий, посвященных древнерусскому письму, называется «Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV века» [Ненашева, 2010]. Поскольку непонятно, о какой орфографии может идти речь при отсутствии кодификации письменной нормы, слово *орфографический* в данном случае, скорее всего, используется для обозначения реальной сочетаемости букв, наблюдаемой в текстах, т. е. узуса и системы, а отнюдь не нормы. Но другого термина для обозначения реальной сочетаемости букв нет.

Казалось бы, не так страшно использование терминов *орфография* и *орфографический* в таком расширенном, а точнее, смещенном понимании. Однако использование термина с «нормативной» внутренней формой совсем небезобидно. В восприятии неспециалиста и в произвольном восприятии специалиста такая внутренняя форма будет неявно создавать искаженное представление об обязательном следовании письменной норме со стороны писца, о сходстве древнерусской письменной культуры, ориентированной на традицию, и современной письменной культуры, основанной на отношении к кодифицированной норме. И выражение *орфография источника* тоже способно породить мнимое знание о том, что какой-то человек сформулировал свои орфографические правила, которым следует.

Не отрешенная лингвистикой полисемия термина *орфография* приводит и к особому отношению к орфографической норме как у лингвистов, так и у рядовых носителей языка: поскольку нет других закономерностей в написании сочетаний букв, кроме орфографии, она воспринимается как жесткое предписание, едва ли не более весомое, чем иные нормы права. И почтение русского народа к русскому языку выражается именно в потребности рядового русофона (а прежде всего «русографа») в наличии высокого и точного образца для написания слов, идеала, которому он не обязательно готов соответствовать и следовать.

Как мне кажется, отсутствие термина для системно-теоретического описания сочетаний букв привело и к ориентации традиционной школьной программы (серия учебников под редакцией Н. М. Шанского) и даже курса развивающего обучения для начальной школы В. В. Репкина на орфографию. Нормативное написание слов и морфем стало мерилom языковой грамотности и лингвистической компетенции учащихся.

Все это говорит о необходимости отдельного термина для системного описания сочетаний букв. По уже существующему в лингвистике терминологическому образцу этот раздел дисциплины, изучающей письмо как языковую форму, я предлагаю назвать *суперсегментной графикой*. Суперсегментная фонетика (просодия) изучает сочетания фонем: слог, фонетическое слово, синтагму. Суперсегментная графика должна изучать сочетания графем, и прежде всего графиче-

¹ URL: <http://lenta.ru/articles/2014/03/04/bronovsky/> (дата обращения 09.03.2014).

² Ерина Т. Н. Вариантность и орфографическая практика. URL: http://www.rusnauka.com/14_APSN_2008/Philologia/32480.doc.htm (дата обращения 09.03.2014).

ское слово и графическое предложение, причем изучать их не в нормативном аспекте, как орфография, а в системном.

Обратим внимание на то, что, согласно общепринятой точке зрения, у фонемы нет плана содержания, а у графемы он есть. В общем случае это фонема. Вопрос в том, в рамках какой фонологической школы должна пониматься фонема, чтобы ее особенности отражали именно системный, а не нормативный взгляд на графическое слово.

Сравнение теоретического описания орфографии с позиций МФШ [Кузьмина, 1981] и с позиций ЛФШ [Иванова, 1976] показало, что фонема в понимании МФШ и ЛФШ не объясняет вариантности реальных написаний того или иного слова.

С одной стороны, фонема московской школы выглядит как своеобразный компромисс между данными экспериментальной фонетики и требованиями орфографии. По сути, русская орфография вынудила МФШ искать причины несоответствия произношения буквы в составе слова и ее алфавитного значения, что привело к представлению о фонеме как наборе позиционных вариантов, из которых графически должен быть представлен вариант, максимально контекстно независимый.

С другой стороны, «ленинградская» фонема не объясняет разнообразия реальных написаний, ограниченного при этом определенными рамками. Именно в этом месте мы можем говорить об узусе буквосочетаний и о системных отношениях, синтагматике буквы.

Интересный материал для понимания системных отношений в графике дает исследование Л. Б. Парубченко [2004], которое представляет собой осмысление ошибок в употреблении букв (т. е. фактов ненормативного письма) с позиций фонологии и, в меньшей степени, морфемики. При этом за точку отсчета для фонологической интерпретации ошибок взята теория Московской фонологической школы, приверженцем которой является Л. Б. Парубченко.

Приведенный Л. Б. Парубченко материал поражает своим разнообразием. Можно сказать, что он демонстрирует потенциал русской графики, те выразительные возможности, которые заложены в русской графической системе.

В различиях нормативного и ненормативного письма, обнаруженных Л. Б. Па-

рубченко, как раз сталкиваются отношения системы письма и орфографической нормы. Известно, что языковая система представляет собой сложно организованный комплекс вариантов, которые по большому счету безразличны к норме, но зависят от узуса. Норма по отношению к системе выполняет роль фильтра, который может быть довольно грубым, допускать вариативность, а может быть тонким, не пропускать в употребление никакие варианты, кроме «единственно верного». По отношению к буквенному уровню письма понятие нормы оказалось настолько самодовлеющим, что в теории графики практически не обсуждается графическая система как потенциал варьирования. Поэтому прежде чем обсуждать нормативность или ненормативность письма, необходимо установить потенции графической системы, т. е. серии вариантов буквенных написаний в одной и той же графической позиции, имеющих одинаковое фонетическое прочтение. Ненормативное русское письмо, пробирающееся сквозь фильтры орфографии, как раз и показывает масштабы этого варьирования. А орфография выбирает из этого разнообразия только один вариант, чаще всего обусловленный стремлением к единообразному графическому обозначению морфемы (принцип Московской фонологической школы), а иногда другими принципами.

Как показывает анализ Л. Б. Парубченко, наибольшую сложность для пишущего представляют позиции нейтрализации фонологических оппозиций. В этом случае русская графика предоставляет пишущему возможность выбрать любую из букв, обозначающих одну из фонем, входящих в оппозицию, поскольку позиция нейтрализации не даст возможности читающему «прочитать» букву в соответствии с ее алфавитным значением (ср. написания, реализующие звучание [ч']: мячЬ / сверТчки / поруДчик / достич_ / научЬлся [2004. С. 22–24]. Норма, как правило, ограничивает этот выбор той из нейтрализуемых фонем, которая может реализоваться в данной морфеме в сильной, т. е. не допускающей нейтрализации позиции. Только для гиперфонемы в терминологии МФШ этот выбор задается произвольно. Для ненормативного же письма естественным ограничителем становится произношение, но его действие не тотально, что вообще свойственно некодифицированным формам языка.

Это значит, что на письме отражается **архифонема** Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого, фонологическая единица, обобщающая признаки вступающих в оппозицию фонем. Пишущий, не ограниченный нормой, выбирает любую из букв (или буквосочетаний), обозначающих возможные реализации архифонемы.

Другим источником материала для системного понимания суперсегментной графики являются графические эксперименты в Интернете – так называемый «язык падонков» и «олбанский» язык.

Сознательные и невольные участники данного эксперимента, который в этом качестве уже затухает, уступая место, по моему мнению, просто безыдейной безграмотности, проверяли на прочность русское письмо. Их ненормативные написания в большинстве своем были обращены к тем зонам вариантности написаний, которые задавались потенциалом языковой системы. Рассмотрим знаменитое выражение *много букваф*. Появление *а* в написании словоформы *букв* вполне объяснимо развившейся в специфических условиях слоговостью этимологически сонорного *в*, которая компенсируется дополнительной вокализацией. Еще проще объясняется не менее знаменитое *афтар жжот* ‘автор жжет’ и столь же популярное *Превед!* ‘Привет!’. Если в первом случае можно предположить, что для обозначения на письме архифонем используется фонетический принцип написания (фонема ЛФШ), то во втором случае архифонема обозначается «гиперкорректно» – вопреки алфавитному значению букв (фонема ЛФШ) и реализации фонем МФШ в сильной позиции, но в соответствии с составом архифонем <и / е>, <т / д>.

Итак, термин *орфография* оказывается многозначным, причем второе его значение отражает нечто противоположное первому,

нормативному – узус и системные отношения в буквосочетаниях. Эта двойственность, граничащая с энантиосемией, требует введения, пока в рабочем порядке, термина для системного и теоретического описания сочетаний и сочетаемости букв. Таким термином может стать аналог *суперсегментной фонетики* – *суперсегментная графика*. Применение этого термина позволит различить реальный потенциал буквоупотреблений и буквосочетаний и ограничения на реализацию этого потенциала, накладываемые орфографической нормой. Если это не будет сделано, лингвистика будет дезориентирована в отношении реальности буквосочетаний, графической формы морфем и слов.

Список литературы

Букчина Б. З. Правила русской орфографии и пунктуации (1956 г.) и орфографическая практика // Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. 1974. Т. 33, № 1. С. 44–52.

Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография: Учеб. пособие для пед. ин-тов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. 288 с.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии: русская орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М.: Наука, 1981. 265 с.

Ненашева Л. В. Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV века. Архангельск: Поморский университет, 2010. 272 с.

Парубченко Л. Б. Ненормативное русское письмо (лингвистический анализ ошибок в употреблении букв): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2004. 66 с.

Материал поступил в редколлегию 31.03.2014

I. E. Kim

WRITING AND SPELLING, GRAPHICS AND ORTHOGRAPHY: THE BORDER BETWEEN SYSTEM AND NORM

The article is concerned to the relationship between language system (Russian term «graphics») and norms (orthography) in the Russian writing. Currently, the boundary between the system of «graphics» and the normal «orthography» is not between potential combinations of letters in the Russian written language and the norms as rules of spelling, and between the isolated sound or syllable reflection in the letter and morpheme writing. This results in two different understandings of the Russian term *orthography* (English *spelling* without the normative sense): on the one hand, it is understood as a set of spelling norms, but on the other hand – as a real practice of writing combinations of letters. The introduction of the concept of «supersegmental graphics» to refer to potential and naturally occurring combinations of letters will help to resolve this ambiguity.

Keywords: orthography, supersegmental graphics, language system and norm.